

Гістарыяграфія

Крих С. Б., Метель О. В.

ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск

«Парадоксы периферийности»: Н. М. Никольский в материалах переписки с А. Б. Рановичем

(Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ,
проект № МД-223.2017.6)

В Научном архиве Института российской истории РАН уже более полувека хранятся материалы, связанные с жизнью и научной деятельностью известного советского историка древности А. Б. Рановича. Они составляют отдельный фонд, который вплоть до сегодняшнего дня остается необработанным и потому практически неизвестным отечественным и зарубежным историографам, хотя вошедшие в него документы представляют значительный интерес для специалиста, снабжая его новыми данными о творческой биографии и самого А. Б. Рановича, и других советских ученых того времени [1]. Среди них – известный советский библист и востоковед Н. М. Никольский, на протяжении долгого времени являвшийся постоянным адресатом московского историка. Именно ему принадлежит наибольшее число писем – более тридцати – сохранившихся в архиве А. Б. Рановича и охватывающих период с 1933 по 1948 гг. Посвященные обсуждению самых разных исследовательских и бытовых проблем, данные материалы не только содержат новые сведения о творческой биографии белорусского академика, но и позволяют уточнить его положение в рамках сообщества советских историков древности. В частности, мы полагаем, что письма Н. М. Никольского к А. Б. Рановичу позволяют не только подтвердить, но и дополнить вывод о том, что белорусский академик может рассматриваться в качестве *периферийного* историка [2], чьи идеи не соответствовали общепринятым в тот период трактовкам древности.

На наш взгляд, об этом свидетельствует несколько обстоятельств, ставших известными благодаря интересующим нас материалам переписки двух ученых.

Во-первых, мы полагаем, что в пользу периферийного положения Н. М. Никольского говорят обстоятельства редактирования им монографии А. Б. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии» [3]. С одной стороны, обращение именно к минскому ученому с предложением выступить в роли редактора подобной работы свидетельствует о признании его авторитета в области изучения истории древнего Израиля. Но, в то же время, А. Б. Ранович, насколько мы можем судить по данным переписки, отказался от большинства содержательных изменений, предложенных Н. М. Никольским, ограничившись расширением второстепенных фрагментов, заменой иллюстративного материала и включением новых цитат из работ «классиков марксизма». Главное же, что А. Б. Ранович оказался верен «струвианскому поветрию», отказавшись от признания феодального характера древневосточных обществ и подчеркивая особый путь развития Древнего Израиля. Ошибочным он признал лишь недостаточное внимание с его стороны к феномену древнееврейской общины – тезис, который, несмотря на мнение Н. М. Никольского, не подрывал взглядов В. В. Струве и, с оговорками, им разделялся. Другими словами, если Н. М. Никольский искал союзников в войне, то А. Б. Ранович стремился скорее к приемлемому компромиссу.

Во-вторых, о периферийном положении Н. М. Никольского свидетельствуют содержащиеся в его письмах к А. Б. Рановичу указания на постепенную потерю им связи с московскими и ленинградскими историками древности. Об этом говорят как прямые указания, такие как сетования А. Б. Рановича на то, что Н. М. Никольский совсем от них «оторвался» или жалобы самого Н. М. Никольского на редкие письма коллег, так и косвенные данные, связанные преимущественно с обстоятельствами публикационной деятельности минского автора. Так, в письмах мы встречаем указания на три публикации, которым не суждено было появиться в печати (в реальности неопубликованных работ было больше). Первая – статья об арабских корнях христианства – готовилась Н. М. Никольским в 1947 г. для «Вестника древней истории», но так и не появилась на его страницах то ли в силу того, что не была завершена автором, то ли из-за смерти А. Б. Рановича и смены состава

редакционной коллегии. В пользу последней версии свидетельствует тот факт, что если в 1938 – 1948 гг., благодаря активному содействию А. Б. Рановича, минским ученым было опубликовано восемь статей в «Вестнике древней истории», то после смерти А. Б. Рановича – ни одной. Вторая неопубликованная статья Н. М. Никольского – рецензия на монографию Р. Ю. Виппера «Возникновение раннехристианской литературы» [4]. В 1947 г. она была отправлена автором в редакцию журнала «Вопросы истории», но в номер не пошла, а все попытки Н. М. Никольского узнать причины подобного решения не увенчались успехом. В результате, член-корреспондент АН СССР вынужден был смириться с молчанием редакции и предложить собственное объяснение сложившейся ситуации, связанное, по его мнению, с желанием уберечь «дилетанта» Р. Ю. Виппера от полного разгрома. Заметим, что, на наш взгляд, Н. М. Никольский был прав лишь отчасти: редакция не столько защищала Р. Ю. Виппера, сколько стремилась сохранить принятые еще в 1930-е гг. научные конвенции относительно использования взглядов Ф. Энгельса для характеристики раннего христианства, грубо нарушаемые минским исследователем. Хотя и резкий тон критики, избранный автором, должен был сыграть роль дополнительного фактора, обусловившего негативное решение. Третья публикация, упоминаемая в письмах к А. Б. Рановичу, была подготовлена для «Вестника древней истории» под руководством Н. М. Никольского его женой, но была отправлена на существенную доработку автору, а в дальнейшем так и не появилась на страницах журнала.

Однако, рассматривая положение Н. М. Никольского в структуре научного сообщества советских историков древности, мы не зря сочли возможным говорить о «парадоксах периферийности»: утрата позиций по всем направлениям была редким явлением, а в нашем случае можно даже говорить о повышении отдельных позиций при понижении других. Так, в письмах к А. Б. Рановичу минский историк представляет свое положение как вполне устойчивое. В 1946 – 1948 гг. он отмечает улучшение своего материального состояния, связанного с ростом заработной платы, составившей 12 5000 руб. в месяц, получением доступа к особым товарам (автомобиль «Москвич») и услугам

(специальные санатории), подчеркивает стремление представителей власти создать для него благоприятные условия для научной работы (обеспечение доступа к трофейным книжным фондам, наделение правом первоочередной публикации трудов и т.д.), подчеркивает свою востребованность властью и коллегами как специалиста в области белорусской и древневосточной истории, и как организатора науки.

Все это находит подтверждение в фактах карьерного роста Н. М. Никольского в послевоенный период, когда исследователь не только сохраняет прежние звания и должности, но и избирается членом-корреспондентом АН СССР.

В результате, возникает ситуация, когда формальный статус автора все меньше соответствует его реальному положению в рамках сообщества советских историков древности, в рамках которого его выводы все чаще подвергаются критике со стороны московских и ленинградских коллег [5 – 7].

Причины подобного разрыва между формальным и неформальным положением автора, на наш взгляд, объясняются целым комплексом факторов.

Виной тому и возрастные особенности исследователя, которому стало все труднее сохранять рабочий ритм и следить за состоянием «переднего края науки», и его личные качества, проявляющиеся в нежелании следовать установившимся конвенциям и признавать правоту оппонентов (в письмах к А. Б. Рановичу В. В. Струве и Р. Ю. Виппер прямо обвинялись в халтуре), и провинциальное положение, с одной стороны, гарантирующее первенство и привилегии в рамках белорусской науки, а, с другой, вынуждающее менять тематику на более подходящую к местным условиям.

Наконец, следует понимать и саму периферийность как динамический фактор, при котором у крупных ученых были возможности для задействования компенсаторных механизмов: потеснённый в советской науке о древности, Н. М. Никольский получил признание в сферах белорусской истории и истории русской церкви, а в Минске обладал недостижимым авторитетом образцового академического ученого.

Литература

1. НА ИРИ РАН. Ф. 41.
2. Крих С. Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164 – 169.
3. Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. М.: ОГИЗ; ГАИЗ, 1937.
4. Архив РАН. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 48.
5. Дьяконов И. М. Рец. на: Н. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье // Вестник древней истории. 1949. № 1. С. 120 – 130.
6. Струве В. В. Рец. на: акад. Н. М. Никольский. Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 131 – 146.
7. Тюменев А. И. Рец. на: акад. Н. М. Никольский. Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 146 – 151.

Стрелец М. В.

БрГУ (Брест)

Юрий Николаевич Бохан и его вклад в развитие отечественной исторической медиевистики

13 апреля 2017 года перестало биться сердце Юрия Николаевича Бохана. Судьба отвела ему всего лишь 51 год. Однако он многое успел в своей жизни. В относительно молодом возрасте стал доктором исторических наук, доцентом.

В научных трудах Юрия Николаевича капитально прослежена эволюция вооружения населения белорусских земель в течение XIV–XVI вв. [4–10, 12–14]. Профессиональный историк, любитель истории обязательно расширит свой кругозор, получив исчерпывающие представления обо всех имевшихся тогда категориях наступательных и оборонительных вооружений [7]. Он узнает также о западных и восточных влияниях на развитие военного дела в ВКЛ [12]. Потрясает описание безвременно ушедшим учёным оружия ближнего боя [8], оружия дальнего боя [9], постижение им загадок оборонительных